

1

Амасья — город старьй, очень старьй, помнящий понтийца Митридата, римлянина Лукулла... Страбон, гяур, живший тут в далекие времена, — тот вообще утверждал, будто бы заложила этот город царица амазонок Амазис. Ну, вообразить себе женщин, бегающих по огромной скале голышом и воинственно потрясающих копьями, правоверный, конечно, может, но делать этого не станет, если он воистину правоверный. А то вообразится еще, чего доброго, в таком виде почтеннейшая матушка твоей достойной супруги и окажешься потом в Бимархане — доме, где лечат скорбных разумом звуками воды и музыки... И кто сказал, что тебя там вылечат?

Милость Аллаха на Амасье — вот и все, что надо знать правоверным. Сколько народов живет здесь, а еще больше — по деревням, и все как-то уживаются. Не иначе милостью Аллаха, а как же еще? Мир огромен, людям в нем всегда земли не хватает, вот и воюют они раз за разом, а тут, в Амасье, грек и татарин, турок и армянин — все торгуют на одном базаре, все дышат одним воздухом. Ну а если случаются между ними драки, так это дело житейское: вот в Истанбуле...

Тут говорящий, даже не понижая голоса, рассказывал обычно очередную сплетню, а то и байку про хитрого вора или про гаремные дела, про роксоланку-Хюррем, с открытым лицом сидевшую перед художником-гяуром, или еще про какие каверзы,

которые ибليس будто из бездонного мешка высыпал на головы обычных жителей столицы. И слушатели соглашались — да, хорошо, что мы живем в благословенной Аллахом Амасье, а не там, где ибليس давно уже смущает умы правоверных, и не сказать, что делает это безуспешно.

Почтенный Аджарат такие байки выслушивал довольно равнодушно. Дела, происходящие за пределами Амасьи, казалось, не трогали его вовсе, если, конечно, разговор не касался цен на зерно и грузоперевозки. Такие вещи всегда интересовали любого уважающего себя амасьинца, даже того, чье имя переводилось как «пришелец из дальних краев, бежавший от кровной мести», и, если вдуматься, именем не было вовсе... Но тем и благословенна Амасья, что тут не задают лишних вопросов. Особенно людям, носящим такие имена, которые в любом другом месте вопросы бы вызвали.

Но не в Амасье. Здесь хватает людей, подобных почтенному Аджарату, с именами, говорившими подчас куда громче, чем сам человек.

Аджарат приехал в Амасью не один, а с семьей. О его жене по имени Эдже известно было еще меньше, чем о нем самом: женщина почти не появлялась в людных местах, и ничего мало-мальски злого о ней не могли выдумать даже самые худые языки, как ни старались. Уже в Амасье Эдже-ханум родила близнецов, мальчика и девочку... Да нет же, почтенный рассказчик, ты ошибаешься, Эдже появилась тут уже с младенцами на руках... А вот даже и ты ошибаешься, не менее почтенный, не такими уж младенцами были эти близнецы: то ли около года им было, то ли даже двухгодовалыми их увидели здесь... Да и ладно. Об этих близнецах, носящих единое имя «Джан», то есть «душа», как раз многое можно было бы сказать, да только не болтали в Амасье о чужих детях. Вот вырастут, тогда будет о чем говорить, а пока малы еще для серьезных взрослых пересудов.

Впрочем, сам Аджарат тоже редко становился мишенью для сплетен. На острое словцо он умел ответить остроотой, на по-

читительную речь — добрым словом, а подзуживать и стравливать людей между собой пришелец не любил, чем почти сразу снискал меж соседей расположение. Поселился он в квартале тихом, пользующемся достойной славой, дом купил у человека достойного, да и сам ни в чем дурном замечен не был — что еще надо для амасьинцев, чтобы признать пришлого своим? Да почитай что и ничего!

И лишь когда случилось то, что случилось, поползли по Амасье слухи, обрстая по пути вымыслами столь удивительными, что даже шейхи среди рассказчиков, услышав подобное, утратили бы важный вид и залились бы горькими слезами, сетуя на злосчастную судьбу, лишившую их дара красноречия. И была истина в этих сплетнях погребена столь же глубоко, сколь личинка прекрасной бабочки погребается в коконе тутового шелкопряда.

Если же распутать нити этого кокона, то выйдет вот что...

* * *

Сейчас уже даже сам шахзаде Мустафа не мог с уверенностью сказать, что чувствовал и о чем думал, пускаясь в эту авантюру. Вспоминал ли о Гаруне-аль-Рашиде или просто оказался в чужом городе и решил развлечься? И не юнец же вроде бы, а вот поди ж ты...

Над Амасьей зажигался удивительный закат, каждый раз потрясавший шахзаде своей дикой, мучительной, почти первозданной прелестью. Краски его были горячи, как норов необъезженного жеребца, как споры ученых улемов — те, на которых вырывают друг другу бороды, как разнузданные женские ласки, о которых любят поговорить юнцы, не ведавшие еще любви. В Истанбуле не так. Впрочем, в Истанбуле все не так.

Там не удерешь из своего дворца, в котором ты то ли владыка, второй после отца, великого султана, то ли бесправный пленник... А здесь — запросто: иди себе по улицам, изображай беспутного гуляку, каковых хватает в любом городе. И Амасья не исключение.

Впервые в жизни шахзаде Мустафа шел по городским улицам. Шел. Своими ногами. Один, а не в окружении свиты и охраны. Один-одинешенек, открытый всем ветрам, обряженный в спешно украденный (стыд-то какой, сладкий и жгучий одновременно!) у одного из охранников жилет-йелек, какой носил в Амасье едва ли не каждый первый мужчина. Шел и любовался закатом.

Семь мостов перекинута через Ешиль-Ирмак, реку, разделяющую Амасью на две части. Одна прижалась к подножию горы Харшена, той самой, с которой, по старинной легенде, сбросился вниз прекрасный художник и архитектор Ферхад, узнавший о гибели возлюбленной своей Ширин. Жил ли тот Ферхад на свете, был ли только красивой легендой — эту тайну гора Харшена хранила свято, а вот каналы, якобы прорубленные сквозь скалу этим самым Ферхадом, стремящимся добиться руки возлюбленной, до сих пор поили водой половину города. Вторая часть Амасьи была попросторнее, улицы на ней немного пошире, но дома все те же: двух- и трехэтажные *ялыбою* теснились друг к другу, стремились прилепиться стена к стене, словно в городах гяуров. Да, многим, очень многим Амасья отличалась от Истанбула!

И все же прошли времена, когда город этот носил гордое прозвание «шехзаделер», то есть место, где обучались основам управления султанские сыновья, прежде чем занять высокий престол Оттоманской Порты. Теперь разве что старики рассказывали молодежи о тех славных деньках. Молодежь скучающе кивала — слышали, как же, слышали не раз и не два — и шла заниматься своими делами: ловить рыбу, плести сети, выращивать яблоки или варить черешневое варенье...

Ничего. Все вернется. Ведь имел же отец что-то в виду, отправляя своего наследника в эту глушь! Может, хотел, чтобы шахзаде своими глазами увидел, как живут люди, не связанные с гаремом ничем, кроме славных баек, которые хорошо травить на базаре или в чайхане.

Мысль о том, что отец просто сплавил неугодного роксоланке-Хюррем отпрыска куда подальше, Мустафа от себя честно

гнал. Но даже если и так, даже если подумать о султানে худое, разве не велел Аллах терпеливо сносить тяготы и всюду, где бы ты ни был, жить праведно? А там и вознаграждение не замедлит себя ждать. Да и какие тяготы, если Амасья столь восхитительно не похожа на Истанбул и ты можешь безвозбранно ходить по ней, улыбаясь в бороду и представляя ошарашенные лица охраны?

Солнце уже почти нырнуло за крыши домов, а гора Харшена из темно-серой с зелеными прожилками стала темно-фиолетовой, словно отчаянно желая хоть в сумраке слиться окраской с ночным небом, когда из-за очередного поворота вынырнула странная троица.

Случайными грабителями они не были — по крайней мере шахзаде Мустафа понял это сразу, стоило ему увидеть этих троих, закрывших лица черными платками. Шахзаде не слишком-то смыслил в грабителях, да и как же ему повстречаться с ними в Манисе, где за каждым шагом его бдительно следили если не янычары, так советники, а не они — так отцовские шпионы? Еще меньше шансов повстречаться с этими отродьями иблиса было в Истанбуле, где шахзаде вообще не покидал пределов дворца. Да, в грабителях Мустафа не понимал практически ничего. Но вот хорошо обученных убийц видел не единожды.

А охрана небось сейчас обыскивает дворец сверху донизу...

Звезды в безлунном небе давали мало света — окна соседних домов светились куда ярче. Но Мустафа готов был поклясться, что холодный блеск стали он увидел именно в блеске ярко сверкнувшей звезды.

От первого удара удалось отшатнуться, но дальше отступить было некуда. Стена ограждавшего дом глиняного дувала, о которую шахзаде чувствительно приложился, на ощупь оказалась шершавой и чуть теплой, будто не хотела отдавать ночному воздуху тепло, накопленное за долгий безоблачный день.

Следовало кричать, бежать, делать хоть что-то, но шахзаде молча стоял и смотрел, как убийца заносит руку для удара. В голове стремительной ласточкой носилась лишь одна мысль: